

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

**К ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН
НА ВИЗАНТИЙСКИХ ЗЕМЛЯХ**

Византийская империя занимала совершенно особое место среди феодальных государств средневековой Европы. Эта особенность определяется тем, что Византия была прямым и непосредственным наследником Восточной Римской империи, и ее история является прямым и непосредственным продолжением истории последней. Если Западная Римская империя была уничтожена в V в. и ее развитие было решительно прервано вторжением варваров (главным образом германцев), то Византия устояла и, частью отразив, частью ассимилировав варварские полчища, угрожавшие ей так же, как и Западному Риму, сумела сохранить себя в качестве политического организма, хотя и изменила свой социальный строй, превратившись из рабовладельческого государства в феодальное.

Проблема крушения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Европе в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей. Ярким свидетельством этого интереса является дискуссия о характере социально-экономических отношений в поздней Римской империи, проведенная «Вестником древней истории»¹. В настоящее время активно обсуждается вопрос о генезисе византийского феодализма. Он был вновь поставлен в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана², где выдвинут ряд узловых вопросов социально-экономической истории Византии, и в первую очередь вопросы, связанные с проблемой перехода Византийской империи от рабовладельческой формации к феодализму.

В литературе эта проблема получает различное освещение, причем расхождение во взглядах отдельных исследователей является довольно существенным. Достаточно сказать, что нет единого мнения даже по вопросу о времени перехода Византии к феодализму: в то время как одни авторы считают, что вся история Византии — начиная с IV в. — целиком относится к эпохе феодализма³, другие склонны рубежом, знаменующим начало феодальной формации, считать VII в.⁴ В то же время в зарубежной литературе мы нередко встречаем прямое отрицание византийского феодализма⁵.

¹ ВДИ за 1953—1955 гг.

² З. В. Удальцова и А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10.

³ Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. ВДИ, 1955, № 4.

⁴ М. Я. Сюсюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1.

⁵ P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 219, 1958, p. 32—74, 254—284; t. 220, 1958, p. 43—94.

Главная причина дискуссионности этого вопроса таится в состоянии источников по ранней византийской истории, которые, несмотря на кажущееся обилие и разнообразие, обнаруживают ряд серьезных лакун и ставят перед исследователями труднопреодолимые проблемы.

Одной из таких основных проблем является вопрос о соотношении общественных систем, которые существовали в Византии до конца VI в. и после IX в.

Имеется мнение, что колонатные отношения, получившие в III—IV вв. н. э. очень широкое развитие в поздней Римской империи, являлись зародышами будущего феодального строя, ибо им было присуще сочетание обеих необходимых черт, характеризующих феодальные производственные отношения: наделения непосредственного производителя основным средством производства — землей, составлявшей, однако, собственность господина, и личной зависимости первого от второго. Эти отношения уже никоим образом не могут рассматриваться в качестве рабовладельческих, ибо, как подчеркивает К. Маркс, крепостническое хозяйство «тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»⁶.

Как справедливо замечают З. В. Удальцова и А. П. Каждан, несмотря на то, что древнейшие юридические данные о закреплении колонов относятся лишь к IV в. н. э., в действительности имеется ряд фактов, указывающих на прикрепление колонов к земле по крайней мере во II—III вв. н. э.⁷ А. Р. Корсунский утверждает, что к IV в. н. э. колоны (либо лица, по своему положению близкие к ним), представляли собой основной тип непосредственного производителя в Восточной Римской империи⁸.

Это дает многим авторам основание именно в колонате видеть начало византийского феодализма и тем самым Византийскую империю IV—VI вв. считать обществом раннефеодальным⁹.

Однако проблема чрезвычайно усложняется в связи с вопросом об изменениях в области социально-экономических отношений Византии, происходивших на протяжении VII—VIII вв. — в бурную эпоху социальных потрясений, нашедших свое внешнее выражение, в частности, в иконоборческом движении. Этот период — наиболее темный в истории Византийской империи, ибо после поражения иконоборчества основная масса документов погибла вследствие вполне сознательного и планомерного уничтожения.

Среди уцелевшего основного интерес представляют юридические документы иконоборческой эпохи — как бесспорно государственные, именные акты (Эклога Льва III и Константина V), так и документы анонимные, ни авторство, ни условия возникновения которых нам доподлинно не известны. Среди последних совершенно исключительное место принадлежит так называемому «Земледельческому закону», который представляет собой документ не просто анонимный, а псевдонимный, т. е. сознательно приписанный лицу, которое отнюдь не было его автором — императору Юстициану (I).

Гипотеза, связывающая возникновение «Земледельческого закона» с деятельностью тех же Льва и Константина¹⁰, несмотря на свою распро-

⁶ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1954, стр. 803.

⁷ З. В. Удальцова и А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 80—81.

⁸ А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи. ВВ, IX, 1956.

⁹ Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103.

¹⁰ В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. Труды, т. IV. Л., 1930.

страненность, продолжает оставаться не более, чем предположением. Никаких данных относительно государственного, официального значения этого документа в нашем распоряжении нет; более того, ни в одном из официальных документов — как современных «Земледельческому закону», так и более поздних — нет ни малейшего упоминания об этом памятнике.

«Земледельческий закон» — подлинный сфинкс раннего византийского средневековья, ибо отображенная им система социальных отношений знает классовое деление общества лишь в самых зародышевых формах. Это дает основание исследователям утверждать, что «Земледельческий закон» был «ориентирован на регламентацию жизни сельских поселений, имеющих ярко выраженные черты высшей ступени варварства — и именно стадии сельской территориальной общины-марки»¹¹.

В частности, «Земледельческий закон» не знает категории зависимых крестьян-париков, работающих на чужой земле и не могущих ее покинуть (иными словами, прикрепленных к ней) — категории непосредственных производителей, хорошо известных по памятникам как более раннего (IV—VI вв.), так и более позднего (IX—X вв.) времени. *Γεωργοί* «Земледельческого закона» — это, несомненно, свободные общинники, обязанные лишь государственным налогом, положение которых самым решительным образом отличается от *γεωργοί* документов времени до VII столетия, т. е. колонов.

Исходя из этого, исследователи вынуждены говорить об архаизации общественного строя Византии VII—VIII вв., о полном (или почти полном) уничтожении здесь крупного землевладения, основанного на принудительном труде, о господстве в это время мелкого индивидуального землевладения, о возрождении общинных порядков и т. д.¹², что как будто бы находит себе подтверждение в некотором общем упадке общественной жизни страны — в известном свертывании ремесла и торговли, упадке городской жизни в целом, политической разрухе и т. п. В таком случае вопрос о непосредственной и прямой преемственности между римским колонатом и феодальными отношениями IX—X вв. становится весьма проблематичным.

Но тогда возникает новый вопрос: в чем причины этих столь существенных и принципиальных изменений в общественном строе Византии, происшедших в начале VII в.? К сожалению, этот вопрос до сих пор остается наиболее трудным в ранневизантийской истории. Как известно, распространенным объяснением архаизации аграрного строя Византии VII—VIII вв. н. э. является концепция, выработанная русскими византистами прошлого века (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, А. С. Павлов¹³ и др.), усматривавшими главную причину этих изменений в славянской колонизации византийских земель. По мнению названных исследователей, община, описанная «Земледельческим законом», была принесена в Византию славянами: именно широкий приток свободного славянского населения повлек за собой архаизацию византийской деревни и установление здесь новых, общинных порядков, причем индивидуальная (или

¹¹ Е. Э. Л и п ш и ц. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. ВВ, I, 1947, стр. 161.

¹² «Земледельческий закон», очевидно, имел назначение фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в широком распространении общинных порядков» (Е. Э. Л и п ш и ц. ВВ, I, 1947, стр. 162).

¹³ В. Г. Васильевский. Указ. соч.; Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ч. 225, 1883; А. С. Павлов. Книги законные. СПб., 1885.

частная) собственность вынуждена была уступить место собственности коллективной.

Однако и эта гипотеза встречает возражения со стороны многих авторов. В связи с этим вопрос о славянской колонизации Балкан и ее значении для внутреннего развития Византийской империи приобретает первостепенное значение; он является одним из основных вопросов, связанных с проблемой генезиса византийского феодализма. Каким образом протекало освоение славянами византийских земель, какие области империи и в какой степени были затронуты этим процессом, каковы были те общественные отношения, которые славяне принесли с собою на Балканы — без выяснения всего этого, думается, вопрос о происхождении феодализма в Восточной Римской империи вряд ли сможет получить окончательное разрешение.

* * *

Начало славянского движения на юг, в придунайские земли, относится к первым векам н. э. Если принять мнение О. В. Кудрявцева о славянском происхождении костобоков¹⁴, то первое надежно засвидетельствованное в источниках славянское вторжение в пределы Римской империи будет отнесено к 170 г. н. э.¹⁵

Имеются несомненные данные, говорящие об участии славянских отрядов в так называемых готских (или скифских) войнах III в. н. э.¹⁶ В частности, об этом свидетельствуют находки на древнеславянских землях монет, чеканенных в первой половине III в. в некоторых придунайских городах, которые подвергались осаде и даже взятию «готскими» войсками (Маркианополь, Филиппополь, Анхиал и др.)¹⁷. Эти монеты могли быть получены славянами во время названных событий в виде военной добычи или контрибуции. Об участии славян в «готских» войнах говорит и состав некоторых кладов, найденных на территории славянских земель (Оболонский и др.)¹⁸. Именно в это время римский император Волюзиан (251—253 гг. н. э.) за победу над славянами получил титул «венедского»¹⁹: известны два медальона с легендами: «Vendico Volusiano Augusto» или «Οὐένδικος Οὐβολουσιανός».

Движение восточно- и центральноевропейских племен на границы империи в III—IV вв. сопровождалось в той или иной степени оседанием славянских переселенцев в области Прикарпатья и на Левобережье Дуная. Археологическим свидетельством этого процесса является появление в III—IV вв. на территории современной Румынии памятников черняховской культуры, связываемой обычно со славянами²⁰. Такие памятники

¹⁴ О. В. Кудрявцев. Костобоки, их расселение и этническая принадлежность. «Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период римской империи и статьи по общим проблемам древней истории». М., 1957, стр. 11—100.

¹⁵ О. В. Кудрявцев. Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954.

¹⁶ А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.

¹⁷ М. Ю. Брайтчевский. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 гг. н. э. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954.

¹⁸ М. Ю. Брайтчевский. К вопросу о происхождении Оболонского клада. КСИИМК, вып. 66, 1956.

¹⁹ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. ВДИ, 1939, № 1, стр. 300—301.

²⁰ Правда, в последнее время в специальной литературе возникла дискуссия об этнической принадлежности черняховской культуры (см., например, Л. А. Голубева. Сочинение, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, № 4, 1957, стр. 274—277).

известны в настоящее время как в Трансильвании (Марошсентанна²¹, Тыргу-Муреш²², Лекинца-на-Муреше²³ и др.), так и в Подунавье (Гогошари и Какалеци²⁴, Альдени²⁵, Спанцов²⁶ и т. д.).

Материалы могильника в Спанцове, датируемого IV в. н. э. и расположенного непосредственно над Дунаем, позволяют полагать, что уже в это время древнеславянские переселенцы достигли Дуная.

Письменные источники, однако, в это время славян под их собственным именем в Подунавье еще не знают, если не считать сомнительного упоминания Псевдо-Кесарии, называющего славян (*Σκλαυηνοί*) среди населения придунайских земель²⁷. Это упоминание принято относить к IV в. н. э., хотя эта дата не бесспорна. Первое достоверное упоминание имени славян (*Sclavus*) содержится в одном из стихотворений Авита (V в.)²⁸, но географически оно не локализовано, хотя можно предполагать, что сталкиваться римлянам со славянами приходилось в это время именно в области Подунавья.

Но зато на основании многочисленных показаний византийских источников VI—VII вв. можно утверждать, что к началу VI в. славяне заселили Левобережье Дуная довольно основательно — настолько, что в глазах византийских авторов середины I тыс. они представляли собой коренное население этих земель. Феофилакт Симокатта утверждает, что именно славяне в древности назывались гетами²⁹. Многие исследователи в связи с этим считают, что в ряде случаев, где византийские источники VI и последующих веков говорят о гетах и их нашествиях на империю, под гетами следует разуметь славян³⁰.

Главное, однако, заключается не в этом: считать гетов славянами древние авторы могли лишь в том случае, если имелось твердое убеждение в исконности славянского населения в области Дунайского Левобережья. Но такое убеждение не могло бы возникнуть в середине VI в., если бы продвижение славян к Дунаю и освоение ими земель к северу от реки началось где-то около рубежа V и VI вв., как это принято считать в литературе. Несомненно, этот процесс должен был начаться раньше и в основном уже завершиться к V в. В этом мы видим подтверждение того, что осваивать левый берег Дуная славяне начали во всяком случае не позже III—IV вв. н. э.

К первым десятилетиям VI в. относится начало движения славян, известных в источниках под именем антов и склавинов, за Дунай, в пределы балканских владений Восточной Римской империи.

²¹ J. Kovács. A marosszentannai népvandorlárskori temető. Dolgozatok, v. III, Kolozsvár, 1912.

²² J. Kovács. A marosvásárhelyi őskori telep skutha-es népván-dorlárskori temető. Dolgozatok, v. VI. Kolozsvár, 1915.

²³ Șantierul așezării slave în regiunile Mureș și Cluj. Studii și cercetări de istorie veche, An. III, 1952, p. 320—327.

²⁴ B. Mitrea și C. Preda. Săpăturile de salvare de la Gogoșari și Cacaletii. St. și cercet. de ist. veche, 1955, № 3—4, p. 638—640.

²⁵ Ch. Ștefan. Une tombe de l'époque des migrations à Aldeni, Dacia VII—VIII. București, 1941, p. 217—221.

²⁶ B. Mitrea. Șantierul Spanțov. St. și cercet. de ist. veche, 1953, № 1—2, pp. 228—236.

²⁷ «Bibliotheca veterum patrum», t. 1, 1624, p. 614.

²⁸ Alc. Aviti Versus Martini Dumiensis episc. in basilica, 11—15.

²⁹ Theophylacti Simocattae Historiae, VII, 2, 5.

³⁰ А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, вып. 3, 1898, стр. 407—408; М. В. Левченко. Византия и славяне в VI—VII вв. ВДИ, 1938, № 4, стр. 37; В. Тыпкова-Займова. Нападения «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в. ВВ, XVI, 1959, стр. 3 и др.

К этому времени славяне стояли на пороге классового общества. В первой половине и середине I тыс. н. э. экономическое развитие древнеславянских племен достигло относительно высокого уровня. Основной отраслью производства у них было сельское хозяйство и прежде всего — земледелие. Некоторые, очень скудные сведения о земледелии у антов и склавинов имеются в письменных источниках: сюда относятся упоминания об антских и склавинских полях у Менандра³¹, а также о плодах земли (пшенице, просе и т. д.), сохраняемых на древнеславянских поселениях, — у Псевдо-Маврикия³². О древнеславянском земледелии свидетельствуют археологические данные: земледельческие орудия (наральники, серпы, косы, жернова и др.), остатки культурных злаков, нередко встречаемые при раскопках древнеславянских поселений первой половины и середины I тыс. н. э. Совокупность материалов, имеющихся в настоящее время в распоряжении науки, позволяет утверждать, что анты и склавины во II—VII вв. н. э. уже знали пашенное земледелие с применением железной сохи. В середине I тыс. н. э. был изобретен широколезвийный плуг, способный не только разрыхлять почву, но и переворачивать пласты, с помощью которого стало возможным освоение под пашни степных почв, представлявших большие трудности для обработки³³.

Большой прогресс наблюдается в это время и в развитии древнеславянского ремесла. Примерно к рубежу нашей эры относится начало второго крупного общественного разделения труда, а в начале нашей эры уже по крайней мере три вида ремесла выделились в самостоятельные отрасли производства — добыча и обработка железа, гончарное и ювелирное искусство³⁴. На территории древнеславянских земель известен ряд ремесленных мастерских, рассчитанных на сбыт продукции в пределах более или менее значительной округи. Грандиозные для своего времени масштабы железодельного производства эпохи первых веков н. э. обнаружены в последнее время польскими археологами в районе Гор Свентокжизских (Келецкое воеводство, Польша)³⁵, где уже сейчас зафиксированы остатки многих тысяч плавильных горнов. Мощный промышленный гончарный округ IV—VI вв. н. э. исследуется на территории Польши в районе Кракова — Новой Гуты³⁶. На территории южной части СССР также известен ряд мастерских первой половины и середины I тыс. — железодельных (Остров-Варковецкий на Волыни³⁷, Иванковцы в Поднестровье³⁸ и др.), гончарных (Лепесовка на Волыни³⁹, Неслухов близ

³¹ Menandri Protectoris Historiae fragmenta (ВДИ, 1941, № 1, стр. 247).

³² Pseudomauricii Strategicum, IX, 5.

³³ В. И. Довженко. К истории земледелия у восточных славян в I тыс. н. э. и в эпоху Киевской Руси. «Материалы по истории земледелия СССР», т. 1. М., 1952.

³⁴ А. Т. Брайчевская. Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе (автореферат диссертации). Киев, 1952; е е ж е. К вопросу о ремесле культуры полей погребений. КСИА АН УССР, вып. 2. Киев, 1953.

³⁵ L. Rauhut. Studia i materiały do historii starożytnego i wczesnośredniowiecznego hutnictwa żelaza w Polsce. Studii z dziejów górnictwa i hutnictwa, t. I, 1957, str. 224—258.

³⁶ T. Rzym an. Problem ceramiki siwej na kole toczzonej na tle odkryć w górnym dorzeczu Wisły. Wiadom. Archeol., t. XIV. Warszawa, 1936; i d e m; Nove odkrycia w Igołomi. Sprawozd. z czynn. i pos. PAU, t. LII, 1951, nr. 9, Kraków, 1952; Igołomia, Warszawa, 1953; L. G a j e w s k i. Badania nad organizacją, produkcją pracowni garniarskich z okresu rzymskiego w Igołomi. Archeologia Polski, t. III, z I. Warszawa—Wrocław 1959, str. 101—158.

³⁷ М. Ю. Брайчевский. Розвідка слов'янських пам'яток на Волино-Подільському прикордонні. Арх. Пам. УРСР, т. III. Київ, 1952.

³⁸ Раскопки ИА АН УССР, отчет В. И. Довженка за 1952 г. («Архив ИА АН УССР»).

³⁹ Я. В. Яроцкий. Некоторые памятники древности близ с. Лепесовка, Кременецкого у. ИАК, вып. 29. СПб., 1908.

Львова⁴⁰, Никольское на Днестре⁴¹ и т. д.), ювелирных (Грищинцы близ Канева⁴², Пастырское городище⁴³ и т. п.).

Развитие ремесла определяло возникновение и развитие торговли. Вещественными следами этой торговли являются многочисленные находки римских монет на древнеславянских землях⁴⁴. Эти монеты были получены древними славянами в результате торговых сношений с Римской империей, но использовались они для нужд не только внешней, но и внутренней торговли.

В первой половине и середине I тыс. н. э. славяне, по-видимому, были организованы в территориальные общины, основанные на индивидуальном землепользовании⁴⁵. Пахотные земли, составлявшие еще собственность общины, для обработки уже делились между отдельными семьями. Этот индивидуальный характер землепользования прослеживается на основании данных раскопок раннеславянских поселений, представлявших собой открытые села, слагавшиеся из более или менее значительного количества домохозяйств (жилой дом и окружающие его хозяйственные сооружения: сараи, погреб, помещения для скотины, производственные комплексы и т. д.)⁴⁶.

При индивидуальном землепользовании продукт труда составлял уже частную собственность отдельных семей и мог быть источником их обогащения. Имущественное неравенство, накопление богатств в руках отдельных семейств у славян в первой половине и середине I тыс. н. э. засвидетельствовано богатыми кладами римских монет (насчитывающими иногда по несколько тысяч экземпляров) или золотых и серебряных вещей, найденных на древнеславянских землях; на основании различия в погребальном инвентаре, а также на основании находок ключей от дверных запоров на славянских поселениях этой эпохи⁴⁷.

В это время у славян определенное развитие получает эксплуатация человеческого труда. В произведении византийских писателей VI—VII вв. содержится немало данных о военнопленных, захватываемых славянами во время военных действий на Балканах и обращаемых в рабство⁴⁸. Есть сведения о том, что рабов анты и склавины использовали в собственном хозяйстве⁴⁹, однако формы рабской зависимости у них были значительно мягче, нежели в Византии. Псевдо-Маврикий считает, что рабы у антов и склавинов находились на положении «свободных и друзей», но в действительности они, конечно, не обладали полной свободой, ибо

⁴⁰ K. N a d a s z e k. Z badań archeologicznych w dorzeczu Bugu Grabarka Niesłuchowska, Teka konserwatorska, R. III. Lwów, 1900; Grabarka Niesłuchowska, Teka konserwatorska, R. III, Lwów. 1901.

⁴¹ А. Т. Б р а й ч е в с ь к а. Найдавніші гончарські горни на східнослов'янських землях. «Нариси з історії техніки», вип. 3. Київ, 1956, стор. 146—147.

⁴² А. Т. Б р а й ч е в с ь к а я. К вопросу о ремесле культуры полей погребений. КСИА АН УССР, вып. 2. Киев, 1952.

⁴³ М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Пастырське городище. «Вісник АН УРСР», № 10, 1952.

⁴⁴ М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Римська монета на території УРСР. Київ, 1959; О. В. Ф е н і н. Знахідки римських монет у Прикарпатті. «Археологія», т. V, 1951; В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4.

⁴⁵ М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Антський період в історії східних слов'ян. «Археологія», т. VII, 1952.

⁴⁶ А. Т. Б р а й ч е в с ь к а я, М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Раскопки в Леськах близ Черкасс. КСИА АН УССР, вып. 8. Киев, 1959.

⁴⁷ М. Ю. Б р а й ч е в с ь к и й. Антський період в історії східних слов'ян.

⁴⁸ P r o s o p ., De bello Gothico, III, 29; III, 38; III, 40; IV, 25; i d e m. Anecdota, XVIII, 17 и др.

⁴⁹ P r o s o p ., De bello Goth., III, 14.

тут же отмечается, что для возвращения на родину этих «свободных и друзей» требовался выкуп⁵⁰.

У византийских писателей VI—VIII вв. имеется довольно много упоминаний о славянских царях, вельможах, военачальниках и т. д., осуществлявших политическую власть — владеющих страной⁵¹, имеющих подданных⁵² и т. д. Вместе со сведениями о народном собрании, также осуществлявшем политическую власть⁵³, эти данные заставляют думать, что анты и склавины в IV—VII вв. н. э. были объединены в сильные политические организации типа межплеменных союзов⁵⁴.

Данные, сообщаемые византийскими авторами, свидетельствуют, что антское и склавинское объединения были способны выставить войско в несколько десятков и даже сотню тысяч воинов⁵⁵.

Таким образом, древние славяне к тому времени, когда они обосновались на Северном берегу Дуная и готовились к движению за Дунай, в пределы Восточной Римской империи, достигли той ступени исторического развития, на которой совершается переход от доклассового общества к классовому и возникают первые примитивные государственные объединения.

* * *

Начало движения славян за Дунай знаменовало новый этап в развитии их экспансии на юг, против рабовладельческого мира. По мнению А. В. Мишулина, характерной особенностью этого второго этапа было выступление славян в качестве самостоятельной исторической силы под их собственным именем⁵⁶. Разумеется, это ни в коей мере не исключает временных союзнических отношений славян с другими племенными объединениями, например с гунно-болгарскими племенами Северного Причерноморья.

На первых порах наступающие еще не стремились осесть на землях к югу от Дуная, но ограничивались частыми набегами, во время которых они наносили удары византийским войскам, захватывали добычу и военнопленных, но затем неизменно возвращались обратно за Дунай. Такая ситуация сохранялась на протяжении всей первой половины VI в.

Наиболее ранним зафиксированным в источниках столкновением славян с Византией (если не считать похода гетов в 517 г., который некоторыми исследователями также гипотетически связывается со славянами)⁵⁷ был поход антов, приуроченный Прокопием к первому году правления Юстиниана, т. е. к 527 г.⁵⁸ Анты, перейдя Дунай, вторглись в пределы империи, но понесли поражение от византийского полководца Германа⁵⁹.

Начиная с правления Юстиниана, набеги славян на балканские владения Византии происходят чрезвычайно часто и систематически. По утверждению Прокопия, «с того времени, как Юстиниан принял власть над

⁵⁰ Pseudomaur., Strat., XI, 5.

⁵¹ Theophyl., Hist., VI, 7, 5.

⁵² Ibid., VI, 9, 1.

⁵³ Procop., De bello Goth., III, 14.

⁵⁴ «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стор. 343—346.

⁵⁵ Menand. Protop., Hist. fr., p. 247.

⁵⁶ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, 1939, № 1.

⁵⁷ М. В. Левченко. Византия и славяне в VI—VII вв. ВДИ, 1938, № 4, стр. 37.

⁵⁸ Ф. И. Успенский, правда, на основании косвенных данных приурочивает данное событие к первому году правления Юстина I, т. е. к 519 г. (Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., стр. 464—465), однако эта поправка так и осталась не более, чем догадкой.

⁵⁹ Procop., De bello Goth., III, 40.

Римской империей, [склавины и анты], совершая почти ежегодные набеги, причиняли жителям этих областей нестерпимое зло»⁶⁰.

В 530 г. имело место новое нашествие «гетов» на Иллирик, отраженное иллирийскими войсками⁶¹. Как предполагают исследователи, под гетами и здесь следует разуметь славян (возможно, в союзе с гунно-болгарами)⁶².

Усиление славянской экспансии в первые годы правления Юстиниана заставило его принять специальные меры по усилению дунайской границы империи. В 531 г. стратигом Фракии был назначен активный и способный полководец Хильбудий, которому удалось наладить оборону рубежей от славянских набегов и в течение трех лет сохранять во Фракии относительный покой. В 534 г. Хильбудий с византийским войском перешел Дунай и вторгся в пределы славянских земель, но потерпел решительное поражение и сам пал в битве⁶³. Это поражение вновь открыло границу империи для славянских набегов, в результате чего византийская администрация вынуждена была пойти на уступки: славянам был отдан город Туррис с его областью на левом берегу Дуная⁶⁴. Этим славянское господство на землях к северу от Дуная было закреплено формально и юридически. Одновременно империя обязывалась выплачивать победителям дань.

Однако славяне не удовлетворились достигнутым и предприняли попытку выдвинуть в качестве стратига Фракии (на место убитого Хильбудия) своего ставленника — некоего анта, носившего то же имя и выдававшего себя за византийского полководца, который якобы не погиб, но попал в плен к славянам. Этот самозванец был разоблачен и арестован лишь в 546 г.⁶⁵

Троекратное нападение славян (в союзе с гунно-болгарами) на Византию относится к 540—542 гг.⁶⁶ Согласно данным Иоанна Эфесского, варвары дошли до Константинополя и даже захватили некоторые его предместья. В 547 г. зафиксировано вторжение славян в Иллирию, во время которого было взято несколько крепостей⁶⁷.

Однако все эти набеги имели, так сказать, сезонный характер: до 550—551 гг. нет ни одного свидетельства о том, что славяне оставались зимовать в пределах империи. Даже война 540—542 гг. имела характер троекратного набега: трижды славяне подходили к стенам Константинополя и трижды уходили назад, на свою территорию.

Интересными археологическими памятниками этих походов являются клады, зарытые на территории восточнославянских земель и имеющие в своем составе драгоценные вещи византийского происхождения, захваченные антами и склавинами. Серия интересных византийских вещей имеется, например, в составе знаменитого Перещепинского клада (Полтавская обл., УССР)⁶⁸. Это — преимущественно золотая и серебряная утварь (рукомойник, амфоры, кубки), в числе которой особое место занимает серебряное блюдо с надписью, содержащей имя епископа Патерна, жившего в г. Томи на рубеже V и VI вв.⁶⁹ Известно, что в 544 г.

⁶⁰ Procop., Anecdota, XVIII, 20.

⁶¹ Marcellini Comitibus Chronicon ad anno 505.

⁶² В. Тыпкова-Займова. Нападения «варваров» на окрестности Солуни, стр. 3.

⁶³ Procop., De bello Goth., III, 14.

⁶⁴ Ibid., III, 14, 32—33.

⁶⁵ Ibid., III, 13—14.

⁶⁶ А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1946, № 1.

⁶⁷ Procop., De bello Goth., III, 29.

⁶⁸ А. А. Бобринский. Перещепинский клад. МАР, № 34. СПб., 1914.

⁶⁹ М. Ф. Фармаковский. К изучению Перещепинского клада. Блюдо епископа Патерна. ИАК, вып. 49. 1913.

епископам городов Томи и Одисса было разрешено продавать церковное имущество с целью выкупа пленных, захватываемых варварами (в первую очередь гуннами и славянами). Очевидно, и блюдо Патерна пошло в виде выкупа в руки какого-либо антского военачальника⁷⁰. Замечательной находкой является Вознесенский клад (Надпорожье), в составе которого были два серебряных навершия знамен в виде скульптурных изображений льва и орла⁷¹. В с. Кучур-маре на Буковине найдены серебряная ситула и семь чаш с византийскими клеймами VI—VII вв.⁷² Отдельные драгоценные вещи византийского происхождения были найдены в составе кладов из Мартыновки (Поросье)⁷³, Крылоса (Поднестровье)⁷⁴ и др.

В это время славяне выступали либо в роли внешнего врага, угрожавшего империи с севера, либо же в роли союзника в ее столкновениях с другими племенами (готами, персами и т. д.).

В литературе распространено мнение, что в это время славяне играли весьма значительную роль во внутренней истории Византии, что на византийской службе появлялись славянские отряды и отдельные лица, которые якобы нередко занимали там выдающиеся должности⁷⁵.

Несомненно, некоторые данные, свидетельствующие о том, что византийцы стремились привлечь славян на свою сторону и время от времени пользовались их услугами в качестве союзников (а в ряде случаев, может быть, и наемников), действительно имеются. Так, Прокопий упоминает всадников — гуннов, антов и склавинов, которых византийские полководцы Мартин и Валериан в 537 г. привели в Рим во время его осады войсками готского короля Витигеса⁷⁶. Имеются данные об участии славян в войне Византии с остготами и позже — в 539—540 гг.⁷⁷, в 546—547 гг.⁷⁸ и т. д. О том, что анты были в составе византийских войск, действовавших против персов в 555 г., сообщает Агафий⁷⁹.

Однако утверждение, что славянам принадлежала выдающаяся роль в истории Византии этого времени, является преувеличением. Мнение Б. А. Рыбакова о том, что Хильбудия можно рассматривать как представителя антской верхушки, занявшего одну из высших административных должностей в Византии⁸⁰, основано на недоразумении. Хильбудий, который действительно занимал должность стратига Фракии (*magister militum per Thracias*), был, согласно данным Прокопия, византийским полководцем, притом человеком, близким к императорскому двору (*ἐκ τῆς Ἰουστινιανοῦ βασιλέως οἰκίας* — «из дома императора Юстиниана») и к тому же знатным (*ἀνὴρ ἐπιφανής*)⁸¹. Считать его антом нет никаких оснований (хотя само имя его можно считать славянским)⁸². Что же

⁷⁰ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 330.

⁷¹ В. А. Гринченко. Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», т. III. Київ, 1950.

⁷² I. Agneth. Die Antiken Gold- und Silber-Monumente kk. Münz- und Antiken-Cabinettes in Wien. Wein, 1950.

⁷³ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, т. XVII, 1953, стр. 76—89.

⁷⁴ І. Свенціцький. Ілюстрований провідник по Національним музеєві у Львові. Жовква, 1913.

⁷⁵ Б. А. Рыбаков. Начало русского государства. «Вестник МГУ», № 4—5, 1954.

⁷⁶ P g o s o r., De bello Goth., I, 27.

⁷⁷ Ibid., II, 26.

⁷⁸ Ibid., III, 22.

⁷⁹ A g a t h i a e Historiae, III, 6—7; III, 21; IV, 20.

⁸⁰ Б. А. Рыбаков. Начало русского государства.

⁸¹ P g o s o r., De bello Goth., III, 14, I; 13, 26.

⁸² «Византийски извори за историју народа Југославији», т. I. Београд, 1955, стр. 23, прим. 17.

касается подлинного анта Псевдо-Хильбудия, то он был самозванцем, и его роль в истории Византии никоим образом не может считаться закономерной или типичной.

В одной из своих ранних статей Б. А. Рыбаков упоминал, между прочим, анта Доброгаста, «таксиарха греческого флота», и анта Всегорда, византийского полководца⁸³. В. В. Мавродин именует Доброгаста «командующим византийской черноморской эскадрой», а Всегорда — «военачальником византийского войска»⁸⁴.

Оба эти лица упомянуты Агафием⁸⁵ (кстати, в связи с событиями после 550—551 гг., когда уже началось оседание славян на византийских землях), однако его текст не дает оснований для далеко идущих выводов названных исследователей. Агафий действительно пишет о двух варварах (одного из них он прямо именует антом), занимавших командные должности в византийском войске, действовавшем в Колхиде. Один из них — Дабрагез (Δαβραγέζας, Доброгаст или, по другой транскрипции, Доброезд) — назван таксиархом, но «таксиарх черноморского флота» представляет собой плод недоразумения. Греческий термин *ταξίαρχος* отнюдь не являлся высоким титулом; он означал воинского начальника вообще (т. е. близок по смыслу к современному слову «офицер»). В Византии он использовался обычно для обозначения лиц, занимавших низшие командные ступени, возглавлявших небольшие соединения (Феофилакт, например, упоминает таксиарха Александра, командовавшего отрядом из 200 солдат)⁸⁶.

Так было и в настоящем случае, и из текста Агафия это видно как нельзя лучше. Общее число воинов, бывших в подчинении у Дабрагеза и Усигарда (Ὀβσίγαρδος, Всегорд, по другой транскрипции — Усиярд), составляло 600 человек⁸⁷. В другом месте Агафий пишет, что отряды Дабрагеза и гунна Эльмингейра на десяти судах охраняли переправу через р. Фасис⁸⁸ (не отсюда ли происходит утверждение, что Дабрагез был начальником черноморской эскадры?). Поскольку по реке плавали лишь небольшие суда, вряд ли можно думать, что оба названных отряда в совокупности насчитывали более нескольких сотен человек. До командующего флотом отсюда еще очень далеко.

Итак, высший начальник и адмирал Дабрагез превращается в командира маленького отряда численностью в двести-триста человек, бывшего союзником или наемником византийцев. Аналогичная метаморфоза происходит и с другим гипотетическим⁸⁹ антом — Усигардом. Он тоже в действительности был командиром небольшого отряда примерно такой же численности.

Таким образом, вряд ли можно говорить о серьезной роли славян во внутренней истории Византии вплоть до середины VI в. н. э. Значение их как фактора политической истории в это время ограничивалось ролью внешней силы, представлявшей одну из серьезнейших угроз границам империи и отвлекавшей на себя большие военные силы, которые, конечно, далеко не компенсировались теми небольшими славянскими отрядами, которые эпизодически участвовали в военных событиях на стороне империи.

⁸³ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь, стр. 323.

⁸⁴ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 43.

⁸⁵ A g a t h., Hist., III, 6—7; III, 21.

⁸⁶ T h e o p h y l., Hist., VI, 9, 8.

⁸⁷ A g a t h., Hist., III, 6.

⁸⁸ Ibid., III, 21.

⁸⁹ Агафий прямо не называет Усигарда антом или славянином; лишь то, что он упомянут рядом с Дабрагезом и носит имя, объясняющееся из славянского, заставляет некоторых исследователей предполагать его славянское происхождение.

Утверждать, что уже в это время славянские отряды, действовавшие на Балканах, оказывали как носители иного, первобытно-общинного строя, существенное влияние на низшие слои населения Византии, вряд ли возможно.

* * *

Иная картина обнаруживается в конце VI и VII в. С середины VI в. начинается третий период в истории славянских столкновений с Восточной Римской империей — период непосредственной колонизации балканских земель, когда славяне не только вторгаются в пределы империи, но и начинают там постепенно оседать⁹⁰. Поворотным моментом можно считать славяно-византийскую войну 550—551 гг., описанную Прокопием, когда славяне впервые остались в пределах империи на зиму.

Война эта началась в 550 г. переправой через Дунай славянского войска численностью около 3 тыс. человек, в дальнейшем разделившегося на две части. Главной целью войны, как выяснилось из показаний пленных, взятых византийцами несколько позже, был захват Фессалоники с ее округой. Выполнение этой основной задачи лежало на одном из отрядов, в то время как другой, выполняя вспомогательную задачу, угрожал непосредственно самому Константинополю. Славяне одержали ряд блестящих побед: при Цуруле была разгромлена византийская конница во главе с Асбадом⁹¹, под Адрианополем — основные силы императора, защищавшие столицу⁹², а на морском побережье был взят город Топер⁹³. Правда, Фессалонику спасло появление свежей византийской армии под командованием Германа, как раз в это время готовившегося к отплытию в Италию против остготского короля Тотилы. Славяне очистили Фракию и, повернув на запад, прошли через Иллирию и заняли Далмацию, выйдя, таким образом, к Адриатическому морю⁹⁴.

Война 550—551 гг. была важным узловым моментом в истории балканских войн. Можно отметить ряд существенных моментов, отличающих ее от предшествующих столкновений, которые также нередко заканчивались крупными поражениями Византии. Новым было в первую очередь то, что славяне действовали теперь по заранее разработанному, хорошо продуманному стратегическому плану, преследовавшему далеко идущие цели. С этим связана и другая существенная черта: война 550—551 гг. имела своей задачей освоение определенного района. Впервые славяне зиму 550/51 г. провели в пределах империи (это специально отмечено Прокопием)⁹⁵. Будучи вынуждены отказаться от немедленного взятия Фессалоники, славяне, тем не менее, не возвратились обратно за Дунай, а заняли Далмацию. Таким образом, именно с войной 550—551 гг. можно связывать начало заселения славянами земель к югу от Дуная, которое в конечном итоге привело к славянизации всей Иллирии и значительной части Фракии.

Можно сказать, что именно в это время определились пределы последующего славянского заселения Балкан и были созданы предпосылки для его практического осуществления.

После событий 550—551 гг. на протяжении некоторого времени никакими сведениями о войнах славян с Византией мы не располагаем. По-ви-

⁹⁰ М. В. Левченко в одной из статей, опубликованной еще до войны («Византия и славяне в VI—VII вв.» ВДИ, 1938, № 1), относил начало колонизации (в полном смысле слова) Балкан славянами лишь ко времени около 602 г.

⁹¹ P r o c o p., De bello Goth., III, 38, 4—9.

⁹² Ibid., III, 40, 30—45.

⁹³ Ibid., III, 38, 9—23.

⁹⁴ Ibid., III, 40, 7—8.

⁹⁵ P r o c o p., De bello Goth., III, 40.

димому, был заключен мир на условиях, выгодных славянам, а именно — на условиях разрешения им селиться на землях южнее Дуная. В конечном счете само византийское правительство, надо думать, усматривало в колонизационном движении славян известные выгоды для себя, поскольку разоренные длительными набегами Фракия и Иллирия настоятельно требовали притока свежего населения, без чего экономическое возрождение этих районов было бы просто немыслимым⁹⁶. Известно, что и в дальнейшем византийское правительство, не имея возможности противостоять славянскому расселению, поддерживало колонизационное движение славян, хотя, естественно, и после 550—551 гг. процесс заселения славянами Балканского полуострова не мог осуществляться вполне гладко, без вооруженных столкновений. Славянские переселенцы, несомненно, представляли собой и в этот период силу весьма беспокойную; их наступление было чревато для империи немалыми опасностями, поскольку занятые ими земли нередко превращались в плацдарм для дальнейшего наступления.

Действительно, уже события 550—551 гг. создали вполне реальную угрозу непосредственной периферии Константинополя. Именно с ними можно связывать те мероприятия по строительству крепостей, которые Юстиниан проводил на Балканах вскоре после этого времени. Об этих мерах пишет Прокопий, по сведениям которого, например, укрепления Филиппополя и Плотинополя (Фракия) были воздвигнуты против варваров, обитавших в районе этих городов⁹⁷. Тогда же была восстановлена крепость Адина в Мисии, вокруг которой укрывались варвары-славяне, совершавшие набеги на соседние земли⁹⁸, а также крепость Ульмитон, совершенно разрушенная славянами, постоянно жившими в окрестностях⁹⁹.

Из этих сообщений следует, что в описываемое Прокопием время славяне не только осели во многих районах Балканского полуострова, но и готовы были использовать эти земли в качестве исходного пункта для дальнейшего продвижения. В связи с этим византийской администрации приходилось принимать меры уже не столько для изгнания переселенцев из занятых ими районов, сколько для предотвращения дальнейших набегов.

В течение трех десятилетий после событий 550—551 гг. славяне обосновались на территории северной части Балканского полуострова настолько, что чувствовали себя в ней хозяевами. Иоанн Эфесский писал: «В третьем году после смерти царя Юстина и воцарения победителя Тиверия совершил нападение проклятый народ славяне. Они стремительно прошли всю Элладу, страны Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле. Они осели на ней господами, как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе по причине того, что царь занят персидской войной и все свои войска послал на Восток, по причине этого они растеклись по земле, осели на ней и расширились по ней теперь, пока допускает их бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных, так что у самой внешней стены они захватили и все царские табуны, много тысяч (голов) и другую разную (добычу). Вот и до сего дня, т. е. до 895 г.¹⁰⁰, они остаются, живут и спокойно пре-

⁹⁶ P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 219, p. 64—69.

⁹⁷ P r o c o p. De aedif., IV, 14, 11.

⁹⁸ Ibid., IV, 7, 13.

⁹⁹ Ibid., IV, 7, 17.

¹⁰⁰ 895 г. по сирийскому исчислению соответствует 583—584 гг. н. э.

бывают в странах ромеев — люди, которые не смели (раньше) показываться из дремучих лесов и (мест), защищенных деревьями, и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, т. е. дротиков»¹⁰¹.

Сведения Иоанна относятся к началу 80-х годов VI столетия, и картина, описанная им, отражает последствия массовой славянской колонизации балканских земель. И во второй половине VI в., и в более позднее время источники неоднократно говорят о славянах как о коренном населении в определенной области империи — в первую очередь во Фракии, Македонии, Иллирии, Далмации. По сведениям Евагрия, около 584 г. славяне заняли «всю Элладу»¹⁰².

В документах VII—VIII вв. мы находим упоминание по крайней мере двух десятков славянских племен, обитавших на территории к югу от Дуная¹⁰³. В северо-западном углу этой новоосвоенной территории обитали выходцы из восточнославянского Прикарпатья — хорваты, продвинувшиеся под давлением аваров. К юго-востоку от них основную территорию Иллирии занимали сербы. В Далмации жили неретвяне, захлумцы, травуняне, дукляне. Среднюю часть Северных Балкан по реке Южной Мораве занимали мораване, а севернее, непосредственно на правобережье Дуная, помещались тимочане.

Северо-восточный угол рассматриваемой территории — Добруджу и правобережное низовье Дуная — занимали так называемые семь племен, дунайцы и северяне. В районе Фессалоники жили верзиты, другувиты, сагудаты и ринхины; несколько восточнее их — по реке Струме и Струмице — струменцы, а еще дальше, во Фракии, — смоляне.

Это — территория сплошного славянского заселения, однако этим не исчерпывается состав славянского населения в пределах империи: ряд славянских племен и просто отдельных колоний был размещен в южной части Балканского полуострова, в частности на Пелопоннесе и даже в Малой Азии.

В нашем распоряжении имеется значительное количество сведений о движении славян в коренные греческие области — вплоть до Пелопоннеса. При этом речь идет не только о временных вторжениях славян в Грецию, об осадах ими ряда городов (Фессалоники, возможно, Коринфа¹⁰⁴ и др.). Более существенными являются данные о постоянных поселениях славян в коренных областях Греции.

Так, в Эпире, на побережье Адриатического моря, расселилось племя ваюнитов, а в Фессалии, на побережье Эгейского моря, — велегезиты. На самой южной оконечности Пелопоннеса жили милинги и езериты. Обилие топонимии¹⁰⁵, имеющей славянское происхождение, на Пелопоннесе и в других областях Греции является свидетельством того, что славяне на протяжении длительного времени обитали здесь, не будучи ассимилированы местным населением. В Северной Греции (Фессалия) известны находки славянских вещей VI—VII вв. н. э.¹⁰⁶

В Малой Азии мы не знаем конкретных славянских племенных образований, но зато имеется ряд данных, говорящих о крупных славянских

¹⁰¹ А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского. . . , стр. 32.

¹⁰² E v a g r i i Hitoria ecclesiastica, VI, 10. О датировке похода и о термине «Эллада» см. «Византиски извори. . . », стр. 100, прим. 4 и 101, прим. 6.

¹⁰³ L. N i e d e r l e. Rukovět slovanských starožitnosti. Praha, 1953 (карта Balkansky poloostrov v VII—VIII stol.).

¹⁰⁴ P. C h a r a n i s. On the capture of Corinth by the Onogurs and its recapture by the Byzantines. «Speculum», 27, 1952.

¹⁰⁵ M. V a s m e r. Die Slaven in Griechenland. Abhandl. Preuss. Akad. der. Wissen., philos.-hist. Kl., 1941, № 12.

¹⁰⁶ J. W e r n e r. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland. Berlin, 1953.

колониях, основанных там. Так, согласно данным Никифора¹⁰⁷ и Феофана¹⁰⁸, Юстиниан II в 688—689 гг. после победы над славянами в районе Фессалоники значительную часть побежденных переселил в Малую Азию. Общее количество переселенцев не названо, но известно, что из их числа было сформировано войско численностью в 30 тыс. воинов. Следовательно, всего было переселено во всяком случае не менее 100 тыс. человек.

Тот же Никифор рассказывает о добровольном переселении в 762—763 гг. 208 тыс. славян в Малую Азию, где также была основана славянская колония на реке Артане¹⁰⁹.

Славянские поселения, основанные в пределах империи, сохраняли известную автономию и отнюдь не были склонны немедленно признать в полной мере власть императора. Весьма любопытными являются сведения о походе Константа II на славян в 658 г. Войска императора прошли через Фракию и наложили дань на славян, обязавшихся, кроме того, выставлять для защиты империи определенные военные силы¹¹⁰. Отсюда следует, что в середине VII в. еще только шла борьба за подчинение славян и использование их в качестве резерва материальных средств и военных сил для империи.

Выше уже говорилось о походе Юстиниана II против славян, живших в районе Фессалоники, в результате которого большое число славян было переселено в Малую Азию. В 758—759 гг., по сообщению Феофана, император Константин V вновь подчинял славян в Македонии¹¹¹. В 782—783 гг. состоялся новый поход против македонских славян под начальством полководца Ставракия¹¹².

Имеются и другие свидетельства о том, что славянские переселенцы, в частности на Балканах, пользовались определенной автономией. Феофан сообщает глухие сведения о семи племенах, по-видимому, объединенных в каком-то политическом союзе на территории позднейшей Болгарии¹¹³. Наконец, образование в VII в. (около 679 г.) независимого от Византии Первого Болгарского царства (этническую основу которого составляли славянские племена придунайских земель), несмотря на незначительность его первоначальных масштабов, является свидетельством того, что эти племена если и входили в состав Византии, то лишь номинально.

К VII—VIII вв. весь север Балканского полуострова представлял собой сплошное море славянских поселений, сохранявших свой специфический характер; среди них отдельными островками были разбросаны крепости и города, являвшиеся административными центрами и местами стоянок византийских гарнизонов, — последний оплот византийского могущества в этих районах¹¹⁴. Но и эти опорные пункты императорской власти в колонизованных областях подвергались непрерывной опасности.

Характерна в этом отношении судьба Фессалоники. Возможно, что впервые славяне появились в области Фессалоники еще до начала массовой колонизации византийских земель¹¹⁵. Во всяком случае с 550—551 гг.

¹⁰⁷ Н и к и ф о р а, патриарха константинопольского, краткая история... ВВ, III, 1950, стр. 364.

¹⁰⁸ Ф е о ф а н. Хронография (ВДИ, 1941, № 1), стр. 278.

¹⁰⁹ Н и к и ф о р. Указ. соч., стр. 378.

¹¹⁰ Ф е о ф а н. Хронография, стр. 277.

¹¹¹ Там же, стр. 279.

¹¹² Там же, стр. 280.

¹¹³ Там же, стр. 278.

¹¹⁴ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 137—138.

¹¹⁵ В. Т ы п к о в а - З а и м о в а, Указ. соч.

захват Фессалоники становится четко сформулированной задачей славянской экспансии.

Неудача, постигшая славян под стенами этого города в 551 г., отнюдь не разочаровала их, и в дальнейшем они не раз предпринимали попытки овладеть этим городом. Исследователи считают возможным говорить по крайней мере о пяти таких попытках, имевших место в конце VI—начале VII в., когда дело доходило до непосредственной осады города¹¹⁶. Эти попытки славян захватить Фессалоники нашли живое и яркое отражение в анонимном источнике, известном под названием «Чудеса св. Димитрия», где рисуется картина тогдашней обстановки в районе города.

Местное угнетенное население в конце VI—VII в. склонно было видеть в пришельцах-варварах своих избавителей от нестерпимой эксплуатации и поддерживало их в борьбе против византийских порядков и императорской администрации. Если в первой половине VI в. славяне, не собираясь оставаться в пределах империи, во время своих набегов уводили огромное число византийских граждан в рабство, то теперь, оседая на балканских землях, они были заинтересованы в мирных соседских отношениях с местными крестьянами. По свидетельству Иоанна Эфесского, славяне в 584 г. обращались к мисийским крестьянам: «Выходите, сейте и жните, мы возьмем с вас только половину подати»¹¹⁷. Те опустошения, о которых пишут византийские авторы VI—VIII вв., касались главным образом крупных латифундий.

* * *

Все сказанное позволяет сделать четыре главных вывода.

1. Движение славян против Византийской империи носило характер расселения, осуществлявшегося двумя основными волнами с небольшим перерывом между ними: в III—IV вв. н. э. были заселены земли к северу от Дуная, а во второй половине VI—VIII вв. — север Балканского полуострова.

2. Колонизации подверглись преимущественно северобалканские земли (Фракия, Македония, Иллирия, Далмация). Кроме того, существовали отдельные массивы славянского населения в Греции и Малой Азии; имеются некоторые данные, позволяющие предполагать наличие славянских переселенцев в Сирии¹¹⁸.

3. Общественный строй славян в период колонизации соответствовал той ступени общественного развития, которая характеризует переход от первобытно-общинного строя к классовому (территориальная община на стадии крайнего разложения с зародышами классовых отношений в виде примитивного рабовладения и разделением общества на знать и рядовых свободных).

4. Оседая на византийских землях, славяне на протяжении длительного времени сохраняли политическую автономию; зависимость их от императорской власти сводилась к уплате налогов и обязанности выставлять военные отряды; да и эти повинности византийской администрации приходилось реализовывать нередко с помощью оружия.

Надо думать, что, оседая на византийских землях, славяне, с одной стороны, в основном сохраняли (по крайней мере до определенного времени) свой общественный строй, принесенный ими со своей родины,

¹¹⁶ Ф. Баршић. Чуда Димитрија Солунскаг као историски извор. Београд, 1953.

¹¹⁷ А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского. . . , стр. 34.

¹¹⁸ В. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, стр. 398.

а с другой, неизбежно воспринимали многие элементы византийских порядков. Задачей исследователя в данном случае явилось бы выяснение конкретной картины: что именно было сохранено переселенцами из их общественного строя и что именно было приобретено позже, в результате колонизации? К сожалению, эта проблема до сих пор в науке даже не поставлена, что объясняется отсутствием достоверных источников, которые рисовали бы общественный строй славянских переселенцев на территории Византии.

Можно не сомневаться, что славянское население колонизованных областей сохраняло общинный строй, хотя прямых данных в источниках на этот счет мы не имеем.

Следовательно, славяне, колонизовавшие балканские владения Византии, действительно принесли с собой более архаический общественный уклад, нежели тот, который существовал здесь к VI в., и этот факт не мог не иметь существенного значения для дальнейшего развития империи. В определенном смысле можно утверждать, что подобно тому, как на Западе, по выражению Ф. Энгельса, между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин¹¹⁹, на Востоке, в Византийской империи, между георгом (колоном) и энапографом V—VI вв. и париком IX—X вв. оказался свободный славянский общинник.

Но при этом представляется необходимым иметь в виду два момента. Во-первых, славянская колонизация непосредственно захватила далеко не все области империи; более или менее существенному освоению со стороны славян подверглись лишь северные балканские провинции и в гораздо меньшей степени юг Балканского полуострова. Кроме того, существовали отдельные районы в Малой Азии, где также имелись славянские поселения, роль которых в общественном развитии этих областей, однако, не могла быть значительной; вся остальная территория империи славянской колонизацией вообще не была затронута¹²⁰. К тому же большая часть славянских земель довольно скоро отпала от Византии в связи с образованием там первых славянских государств.

Поэтому, думается, вряд ли правильно говорить об архаизации в VII—VIII вв. в результате славянской экспансии аграрного строя всей Византийской империи в целом. Это могло бы иметь место на Балканском полуострове, но не в коренных греческих областях, не в Малой Азии, не в Сирии и т. д.

Во-вторых, развитие отношений классового общества (в том числе феодальных) вовсе не предполагает полной ликвидации общины. Существование последней оказывается вполне возможным в условиях не только раннего, но и развитого феодализма. Соответственно появление на территории Византии больших масс населения, организованных в общины, отнюдь не предполагало необходимой отмены более развитых общественных отношений, существовавших в империи накануне славянской

¹¹⁹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — В кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1952, стр. 289.

¹²⁰ Правда, необходимо иметь в виду, что наступление на Византию вели не одни славяне: одновременно с востока двигались закавказские племена, а с юга — арабы. Следовательно, славянская колонизация не исчерпывает собой колонизацию вообще. Однако эти народы по своему общественному развитию существенно отличались от славян, едва лишь начавших переходить к классовому обществу и государству (армяне, например, достигли государственного устройства еще в эллинистическую эпоху). Поэтому последствия их расселения неизбежно должны были иметь результаты, отличные от последствий славянской колонизации.

колонизации, как не мешало развитию этих отношений существование византийской общины и в IV—VI вв., и в более позднее время.

Значение славянской колонизации в процессе развития византийского феодализма, пожалуй, заключалось в ином: возникновение феодальных отношений предполагало широкое развитие мелкого крестьянского производства, и именно этому процессу способствовали славянские вторжения, разрушавшие крупные хозяйства типа латифундий и способствовавшие утверждению мелкого индивидуального землевладения. Но из этого вовсе не вытекает необходимость признания тезиса об архаизации общественного строя Византии.

Из сказанного вполне закономерным представляется вывод, что если славянская община, с одной стороны, не смогла существенно изменить социального строя византийского общества в целом, а с другой стороны, сумела сохранить себя как определенную форму общественных отношений внутри византийского общества VII—VIII вв., то в Византии этого времени (а может быть, и позже) должен был сохраняться своеобразный дуализм общественных отношений, который в значительной степени мог иметь и пространственное значение — в том смысле, что в областях, подвергшихся сплошной колонизации славянами, принесенные извне более архаические отношения, возможно, временно оказались преобладающими. Не в этом ли направлении следует искать решение главной трудности в освещении социального развития Византии VI—IX вв.?
